

Цикл очерков, посвященных Михаилу Васильевичу Исаковскому, был опубликован в разные годы на страницах периодической печати. Накануне 115-й годовщины со дня рождения поэта автор издал их отдельной книгой, чтобы интересные факты и свидетельства бесследно не канули в Лету. Но тираж книги, увы, даже по нашим временам мизерный. Предлагаемая публикация содержит эссе, связанные с песней «Катюша».

ЗАПОВЕДНЫЙ УГОЛОК

Багряное солнце спускалось в багрянец осенних лесов. Затянувшееся бабье лето ласкало, баюкало красно солнышко. Будто не могло надыхаться, нарадоваться на него. Перед сумрачным ненастьем поздней осени и холодами зимы.

*Гаснет день. За косогором
Разливается закат.
Звонкий месяц выйдет скоро
Погулять по крышам хат.*

Девушка гнала корову по дороге вдоль берега Угры. И была она несказанно красива в лучах заходящего солнца. Ну, впрямь красавица из сказки.

А сказка была рядом. Стояла у дороги избушка. Не жилье, а символ, поэтический образ хаты, воспетой в стихах. Неподдалеку – тесовая кровелька над бревенчатым рубленным углом. Тоже символ. Широки и прекрасны просторы страны, а родимый уголок мил и дорог.

*Когда же, в ночь, над городом луна
Гудит широким полевым набатом,
Меня зовет родная сторона,
Опять зовет к дымящимся закатам.*

Девушка прошествовала мимо. А следом, тоже с коровой, появился немолодой мужчина. Он к незнакомцам проявил ин-

терес. Подошел, поздоровался, не то спросил, не то сказал:

– На Катюшин берег, стало быть...
– Да, любопытно посмотреть.
– Я лесник Лосев, сорок лет здесь отработал. Сейчас на пенсии. Про памятник могу рассказать. Позвал меня Михайлюков Николай Павлович, директор лесхоза. Он потом в Гагарин уехал. И говорит: «Федор Яковлевич...» Это я – Федор Яковлевич. «Федор Яковлевич, – говорит, – надо камушек привезти». А камушек лежал в земле, как будто маленький. В Дракине там. Поехали, тросом зацепили и на плиту лесовоза едва затащили. Валун на самом деле немаленький оказался. На нем надпись хотели вырубить. Но камень не поддавался. Тогда табличку на нем прикрепили со словами из песни «Катюша». Сейчас нет таблички. Вроде бы в музее она. Сняли от греха подальше, чтоб на металлолом не украли.

Бывший лесник осуждающе покачал головой. Вот ведь времена какие наступили.

– А вот здесь, – указал он рукой, – студенты разрубили просечку. Они разделили эту площадку...

– Инициатором создания памятника песне «Катюша» был и ныне покойный директор совхоза «Прогресс» Валерий Николаевич Невзоров. Не так ли? – уточнил я.

– Не знаю. Меня позвал Михайлюков.
– Верно. Вдвоем они затевали памятник, Невзоров с Михайлюковым, – под-

твердил глава администрации Угранского района Вячеслав Михайлович Кудрявцев.

Мы ступили на выложенную бетонной плиткой площадку. На ней лежат отесанные бревна, которые служат скамейками. С площадки хорошо виден высокий крутой берег Угры. Внизу спокойно и величаво она катила свои воды. А по низкому противоположному берегу начинал стелиться туман.

Лесник рассказал забавную историю о том, как катал на лодке Катюшу, а «телевизионщики снимали на камеру». Сын, живущий где-то вдалеке от дома, увидел телепередачу и письмо прислал. Рад был, что свиделся с отцом хоть по телевизору.

У лесника историй в запасе, наверно, было много. Но нас ожидали во Всходском музее. Мы попрощались и поехали.

Всходы – село большое. И песенное. Михаил Васильевич Исаковский, вспоминая о своих предвоенных поездках в родные края вместе с Александром Трифоновичем Твардовским, свидетельствует: «Во Всходах мы присутствовали на празднике художественной самодеятельности. Это был действительно праздник, на который со всего района съехалось около пяти тысяч колхозниц и колхозников, наряженных во все лучшее, что только у них было».

*И всюду – на улице, в хате –
На песни повышенный спрос...*

Пять тысяч одних только участников художественной самодеятельности! Да это половина нынешнего Угранского района, если собрать и стар и млад.

Вот почему в хоре имени Пятницкого было немало земляков Михаила Васильевича. Было из кого выбирать талантливых и голосистых. И даже в близкой родне поэта была участница знаменитого хора, жена его младшего брата, овдовевшая в годы войны.

Старожил Готовки Александр Васильевич Анисимов рассказывал о послевоенных посещениях Исаковским родной деревни:

– Бывало, к Братовой жене он езжает. Ее звали Анна Ивановна. Она была участницей хора имени Пятницкого, Анна Ивановна – Феди Исаковского жена. Михаил Васильевич ее Аннушкой называл. «Ну, давай, Аннушка, любимую». И она пела. А песня любимая была «Ой, туманы мои, растуманы...». Окошки открыты, и песня далеко слышна. Голос хороший был. Он за смеется тогда. Она пела, а он радовался. Такое общение у них было.

Туманы. Там, где река, там и туманы.

*В низинах клубятся туманы,
Туманы встают над рекой.*

Через все литературное творчество Михаила Васильевича Исаковского течет река его детства, его юности и зрелости, опозитизированная река жизни, истоки которой находятся в его родных краях. Его мать, Дарья Григорьевна, «искала долю для детей родных» не где-нибудь, а за рекой Угрю. Неразрывна связь поэта с деревенским людом.

*Послушать замыслы мои
Ко мне идут мужик и баба...
Поют над речкой соловьи –
Поэты
Сельского масштаба.*

И в самой проникновенной лирике присутствует река.

*Шли они – рука в руке,
Шли они до дому,
А пришли они к реке,
К берегу крутому.*

Разумеется, вполне закономерно появление Катюши на высоком берегу крутом в любившейся народом песне на слова М.В. Исаковского. Столь же естественным представляется сооружение незамысловатого памятника песне «Катюша» на реке Угре по инициативе его земляков. Благодарный этот порыв рожден в глубине на-

родной и не потребовал ни больших денег, ни громких торжеств. Это потом памятник получил известность. И, дай Бог, ему простоять века.

А в музее, расположенном в Доме культуры, что построен во Всодах на средства поэта, нас встречала хрупкая седовласая Анна Сергеевна Якушкина.

Переступив порог, попадаешь в обстановку деревенской хаты. Бревенчатые стены с фотографиями на них. Деревянный некрашенный пол. Домотканые половики в каждой комнатке. В одной из них – экспозиция, посвященная песне «Катюша».

– «Катюшу», знаете, когда он написал? – вопрошает Анна Сергеевна.

– В тридцать восьмом году.

– Тридцать восьмой год я очень хорошо помню. Я тогда работала учительницей в Бабынове. Время было очень тревожное. Мы как будто ожидали войну. Да война уже шла. Горело небо над Испанией. Красная Армия сражалась с японскими самураями у озера Хасан. Да и на западной границе было неспокойно. Поэтому тема Родины, тема защиты ее от посягательств врага, тема охраны границ, как впоследствии писал Михаил Васильевич, была темой самой важной, и он, по его словам, не мог пройти мимо нее даже в лирической песне...

Анна Сергеевна много лет была директором средней школы во Всодах. Возраст у нее давно уже преклонный. Но память изумительная. О жизни и творчестве Исаковского может говорить часами с упоением.

– ...И вот появилась эта песня. До войны мы ее пели с надеждой, что наши бойцы-пограничники, доблестная Красная Армия дадут достойный отпор врагу. А когда началась Великая Отечественная война, с этой песней провожали защитников на фронт. Песня согревала, вдохновляла на подвиги. У нас очень много писем, больше тысячи, от ветеранов. И они пишут о том, что «Катюша» вселяла уверенность в Победу.

Песня звала людей на подвиг. Лирический образ девушки, призывавшей бе-

речь Родину, вел в атаку бойцов и командиров, на боевые задания – партизан и подпольщиков.

Не случайно, когда в 1941 году, в период Смоленского сражения, появился грозный реактивный миномет, вызывавший панический ужас у фашистов, то бойцы дали ему любимое имя – «катюша». У М. В. Исаковского есть песня и про эту «катюшу»:

*И на море, и на суше –
По дорогам фронтовым –
Ходит русская «катюша»,
Ходит шагом боевым.*

И звучит в словах «Песни про “катюшу”» побеждающая ирония по отношению к врагу:

*Говорят, и после смерти
Слышат немцы грозный шквал
И что даже на том свете
Лезут прятаться в подвал.*

Катюша служила символом любви и надежды. Это Ярославна времени защиты Отечества от фашистских захватчиков. Ее поэтический образ, как и образ героини памятника древнерусской литературы, придавал воинам силу в лихую годину испытаний.

...Мы остановились у необычного экспоната. За стеклом – свидетельство о том, что песня «Катюша» награждена медалью «50 лет победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Анна Сергеевна рассказала, что в год 50-летия Победы во Всодах пришло письмо от ветеранов войны из Кировской области. Они сообщали, что решили написать властям обращение, чтобы «Катюшу» наградили упомянутой медалью.

– Наши ветераны из поселка Всоды поддержали, из Рославля – поддержали, из Смоленска – поддержали, и москвичи тоже поддержали. Это единственная песня, которая награждена медалью за Победу. Правда хорошо, да?

– Правда хорошо.

– И это справедливо. Ведь «Катюша»

больше, чем песня, – утверждает Анна Сергеевна. – Это часть народной судьбы. Она была своеобразным музыкальным позывным нескольких поколений советских людей.

И еще на один экспонат обратила мое внимание Анна Сергеевна:

– Официальным сувениром Международного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве, была утверждена Катюша – румяная девочка в пятицветном фестивальной кокошнике. Это ли не свидетельство немеркнувшей любви к лирическому образу девушки из песни? «Катюша» жива и будет жить в сознании народа.

– А как родилась идея создания музея песни?

– Инициатором явился, знаете, кто? В то время старший преподаватель пединститута Геннадий Самуйлович Меркин. Приехал со студентами филологического отряда «Катюша». Студенты обратились через газету «Советская Россия» к населению нашей страны с просьбой написать об этой песне, выразить свое отношение к ней. И пошли письма, письма. На основе их начинался музей.

И опять же, как и в случае с памятником, не по указке сверху, а по инициативе молодежи, то есть по почину, рожденному в народе, создавался музей песни.

После вечерней экскурсии по музею мы вышли на крыльцо уже в темноте. Светил месяц на небе. И пришло на ум:

*Чудный месяц плывет над рекою,
Все в объятьях ночной тишины...*

Это же песня, поразившая в детстве Исаковского и тем, что пела ее всегда молчаливая мать, и тем, что не похожа была на деревенские песни.

«Чудный месяц» – этот светлый образ неизменно присутствовал в поэзии Исаковского всю его творческую жизнь, как и ли-

рические образы реки, туманов, цветущих садов...

*А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц –
Хоть иголки подбирай.*

Возвращались в Угру. Фары выхватывали у обочин дороги багряные и желтые всполохи осенней листвы. Память высветлила заветные строки:

*Нет, я не огорчаюсь,
Напрасно не скорблю,
Я лишь хожу прощаюсь
Со всем, что так люблю!*

А все же хорошо, что есть на свете запредельный уголок, где хранят память о большом самобытном поэте земли Русской.

...Прошли годы. Нет уже в живых Анны Сергеевны Якушкиной. При посещении музея во Всодах встречает радушная хозяйка и экскурсовод Людмила Прохоренкова, которая сохранила атмосферу незримого присутствия гениального земляка, автора любимой народной песни.

СЛОВО ВО ИМЯ...

...МАТЕРИ

Однажды в моем редакционном кабинете раздался телефонный звонок, и мужской голос сообщил, что со мной желает поговорить Виктор Нилович Исаковский. Я сразу предположил, что это племянник Михаила Васильевича Исаковского. Мы договорились о встрече в редакции. И первая фраза, которую произнес мой гость, была такая:

– Я не совсем чужой для Исаковского человек.

– Летящий...

– Нем, от этого я хотел вас как раз и предостеречь.

И Виктор Нилович поведал свою историю:

– В трехлетнем возрасте я был усыновлен родным братом Михаила Васильевича – Нилом Васильевичем Исаковским, за которым была замужем родная сестра моей матери – Александра Ивановна Исаковская, девичья фамилия Строганова. А вторая родная сестра моей матери, Анна Ивановна Исаковская, была за Федором Васильевичем Исаковским. Они были женаты на сестрах, два брата – на двух сестрах. Моя же мать, Мария, осталась с пятью детьми. И еще мать ее, старушка, с нею была. Тогда-то Исаковские и решили помочь, взяли самого младшего, меня, к себе и усыновили.

Рос я у них до сорок первого года. В сорок первом Нила Васильевича забрали в армию.

А осенью был у нас страшный бой. Пятого октября в ночь. Во время которого сгорела почти вся деревня. И погибла моя мать. Я тогда не знал, что она мне неродная. Правильно у вас написано в одной из публикаций: раздался выстрел, и пуля угодила в нее.

Нас было там, в окопе, четырнадцать человек. Она сказала: "Бабы, меня ранило. Витя, сынок, меня ранило". Пуля повредила ей вены на ногах. Она просто изошла кровью. Если б был какой-то специалист, который бы смог остановить кровотечение, она была бы жива. Я так полагаю. Мне было тогда одиннадцать лет. Помню, как она стала дышать тяжело. Я стал ее звать. А мне говорят: "Она уснула", – то есть односельчане не стали меня волновать.

Я хоть и пацан был, думаю: "Как так уснула?". Мне сказали, она пошла домой. Вот тут-то я и выскочил из окопа: "Как же? Она ранена и пошла одна домой?". Дом наш в этот момент уже догорал, уже рухнул. А в сорока метрах шел рукопашный бой. Я его видел, потому что горели дома.

Вот тогда мне и сказали, что у меня есть родная мать, которая живет в Холмах. Это в семи или восьми километрах от Глотовки.

А потом моя родная мать в сорок пятом году, еще война не кончилась, поехала в Белоруссию менять тряпки на продукты, заболела тифом и там умерла...

Мой собеседник замолчал. И тягостной казалось, была эта минута молчания. Молчала жена его, Валентина Герасимовна, примостившись рядышком на стуле. Война отняла у Виктора Исаковского не только двух матерей, еще и зрение. Но судьба не оставила его с бедой один на один. Покинув столицу, приехала в деревню к сиротам третья сестра – Анна Ивановна Исаковская. А когда он стал взрослым, связала с ним свою судьбу Валентина Герасимовна и стала для него надежной спутницей жизни.

...ОТЦА

– Главная цель моей встречи с вами... – прервав паузу, заговорил Виктор Нилович и замялся. После нескольких сбивчивых фраз я понял, что он обеспокоен тем, чтобы не сложилось о Ниле Васильевиче Исаковском, усыновившем его, неверное мнение, как о "причудливом малом" – охочем до выпивки балагуре.

В его описании Нил Васильевич предстал смелым человеком, заботливым семьянином и тонким воспитателем.

– Нил Васильевич – это ж мой отец, сами понимаете. И я не знал, что он неродной. Я узнал это только в сорок втором году. Я считал его очень умным, очень сильным, смелым. Между прочим, его репрессировали тоже. Не знаю, в каком году. Может, в тридцать шестом. Посадили его. И он сразу объявил голодовку. Ускорили процесс, выяснили, что ложный донос на него написали.

Нил Васильевич – принципиальный, скажу, человек. Честный человек. Его когда-то до войны обвинили в каких-то нечест-

ностах. Он проработал работал где-то на стройке. И его уволили с работы. Он подал в суд. Его восстановили. Потом перед ним извинялись, просили, чтобы он остался работать. Он отказался. Доказал свою правоту и ушел.

Никогда не ругал меня Нил Васильевич. Помню, разбил я стекло. Он: "Виктор, ты разбил?" – "Я, пап." – "Ну как же ты так неосторожно?" – "Нечаянно." – "Ты понимаешь, надо теперь купить, деньги заплатить". И я понял, чем обернулась для семьи моя оплошность.

Деньги в деревне давались нелегко. Нил Васильевич летом работал в колхозе, а на зиму уезжал в Москву подрабатывать. И не он один. Деревенские мужики многие уезжали.

Я один раз забрался на вышку. Там у нас вышка была перед войной. Высокая. И на нее забирались ребята, которые постарше. Мне тоже захотелось залезть, испытать себя. Думал: "Вдруг я струшу?". И полез наверх, когда никого не было. Забрался, стою, разглядываю окрестности с высоты. А в деревне отцу уже сказали: "Вон твой сын, на вышке". Он подошел. Ходил-ходил кругом вышки. Боялся спугнуть меня. Потом: "Виктор, это ты там?" – "Я, пап". – "А как ты забрался? Слезай потихонечку, только не спеши". А когда я слез: "Смотри, – говорит, – как высоко. Если упадешь, разобьешься ведь". И то не ругал.

Впрочем, ни разу он меня не ругал. Но я боялся его больше матери. Как поговорит, мне тогда стыдно.

Я ни разу не слышал, чтобы мать с отцом ссорились когда-то. Запомнилось, как я его "продал" один раз. Поехали мы с ним, не помню куда. Далеко ездили. И он зашел четвертинку купить. Говорит мне: "Слушай, Виктор, подожди. Я на минутку заскочу". Пошел, а я сижусь-сижусь, думаю: "Ох, какая длинная минутка-а-а! Если другой раз будет отпрашиваться, я его не отпущу на минутку". Потом приходит, четвертинку принес, выпил и говорит: "Ты ж смотри, матери не говори, что я выпил". – "Нет, пап, не

скажу". Приехали домой, а он четвертинку пожалел, наверно, выбросить. Прошло сколько-то дней, и мать нашла эту четвертинку, несет. "А-а,пил ее?". А я: "Пап, а я маме не рассказал". Он: "Спасибо, сынок". И с матерью рассмеялись.

Его взяли в армию. Он в Гурьеве был. Это Казахстан. Ему сообщили, что убили его жену. Там, наверно, после гибели Александры Ивановны он и познакомился с казашкой, которая потом стала его женой. После войны он одно время жил на даче Михаила Васильевича. В шутку назывался комендантом дачи. Но уехал. Жили они со своей казашкой в Горьковской области, в Ипси. Купили себе домик. И там он умер.

Уже когда я потерял зрение – а случилось это 6 мая 1945 года, на День Победы привезли меня в больницу в Смоленск – он звал меня к себе. А тетя Аня – Анна Ивановна Исаковская – сказала: "Кто знает, как тебе там будет жить?". Она меня отговорила. И я остался.

Мы переписывались. И он всегда приветы присылал от двоих. Потом его жена прислала письмо, что Нил Васильевич умер. Он и похоронен там.

...И ЛЮБВИ

Есть у Виктора Ниловича Исаковского своя версия рождения песни «Катюша»:

– У песни должны быть очень глубокие корни. У «Катюши» был прототип. Это соседка Исаковских – Аксюша. Аксюша Сизова. Они любились.

Именно это слово «любились» употребил Виктор Нилович.

А у Михаила Васильевича Исаковского в его книге «На ельнинской земле» есть пронизанная светлым нежным чувством и пронзительная по трагизму глава, посвященная Аксинье. Это маленькая повесть внутри большого полотна Мастера.

– Рассказывали в деревне, что юный поэт еще такие куплеты пел на вечеринках:

*Дом большой, дом большой,
Крыша щитовая,
А в том доме расписном -
Аксюша дорогая.*

Еще, помню, была маленькая книжица ранних стихов Михаила Васильевича. Там были строки:

*Губы – словно вишенка,
Вся – как цветик аленький.
Говорила: «Мишенька».
Называла: «маленький».*

Почему «маленький»? Да потому, я думаю, что Аксюша была на два года старше его.

Родители Аксюши, крестьяне зажиточные, были против этой дружбы. Исаковские небогато жили. Потом у Михаила Васильевича и зрение было плохое. Они говорили: «Ты вот с сумкой будешь ходить по деревням, просить милостыню с ним. О чем ты думаешь?».

И я не допускаю мысли, чтобы первая любовь Исаковского не осталась у него в сердце, чтобы не нашла отражения в его поэтическом творчестве. Но он нигде не называет девушку, ни в одном стихотворении я не встречал имя Аксюша. А вот Катюша несколько раз встречается. Поэтому я задумался и решил, что он просто немножко изменил имя: Аксюша – Катюша.

Думаю, что Виктор Нилович Исаковский сделал верное предположение. После разговора с ним я нашел стихотворение «Песенка», написанное в 1927 году, и перечитал прозу М.В. Исаковского.

«Пока еще не наступила летняя страда, деревенская молодежь в сумерки собиралась, как обычно, где-либо на бревнах... И когда я подходил к собравшимся уже совсем вплотную, Аксинья протягивала мне руку и усаживала рядом с собой. Часто

случалось и так, что я садился в непосредственной близости от Аксиньи, но на одно или два бревна ниже ее. В таком случае она почти всегда клала мою голову себе на колени, покрывала ее своим платком и, засунув руку под платок, мягко и нежно гладила мои волосы. Я любил это, любил прикосновение ее огрубевших от работы, но все же добрых и ласковых девичьих рук».

*Брала в руки голову, –
Пальцы – словно таяли,
И мечты, как голуби,
Колыхались стаями..*

Михаил Васильевич пишет в книге, что наступил срок и он уехал в Смоленск. А потом узнал, что Аксинья вышла замуж и не более чем через год после свадьбы умерла при родах.

*Но дорожка торная
Грустью задымилася,
Но хвороба черная
Над тобой склонилася.*

«...Умерла, не прожив на этой земле и двадцати лет».

*Бродит лихо-лишенько
По твоей завалинке.
«Ну, прощай, мой Мишенька...
Ну, прощай же, маленький...»*

– Я думаю, что песня «Катюша» зародилась все-таки в Готовке, – убежденно говорил Виктор Нилович. – Сад у Сизовых был и у нас был, речка Оселенка протекает, что впадает потом в Угру. Еще раз только хочу повторить, что не могу поверить, чтобы первая любовь просто так пропала и нигде не отразилась в поэзии Исаковского.